

Глава 1

Город просыпался. Сверкал окнами под лучами солнца, перемигивался с рекой, по берегам которой раскинул проспекты, улицы и переулки. Река, когда-то носившая имя солнечного божества, лениво покачивала теплоходы, баржи и лодочки, пришвартованные у многочисленных пристаней вдоль берегов. Спешить некуда — впереди вечность. Это у людей век короток, вот и суетятся без меры. Город тихо вздохнул, соглашаясь. Куда бегут, зачем? Вот и сегодня, едва солнце успело пощекотать умытый поливальными машинами асфальт, из дверей большого отеля уже выскочила стройная брюнетка и стремительно повернула за угол. Там брюнетку ждал синий «Пежо». Он негромко угукнул сигнализацией, узнав хозяйку.

Брюнетка села на водительское место. Провела рукой по лицу, перевела дыхание и негромко рассмеялась. Потом расстегнула пуговицу на груди слегка тесного ей пиджака. Надо

же, все получилось! Она молодец! Она лучшая! Ее рука прошла по приборной доске.

— Пыжик, мы с тобой еще всем покажем, на что способны. Так ведь?

«Пежо» заурчал и почти беззвучно отъехал от бордюра.

* * *

По статистике, восемьдесят процентов людей боятся летать. Но тут есть простое решение — оставайся дома или поезжай поездом, автобусом, да мало ли других способов. У Жанны выбора не было. Полеты въелись в ее жизнь, как угольная пыль в кожу шахтера. Хотя стюардесса и аэрофобия — нонсенс, конечно.

Страх появился три года назад после аварийной ситуации во время полета, закончившейся гибелью одного из членов экипажа. Понимание того, как тонка грань, за которой начинается безумие, стало для Жанны сильным потрясением. Да, она понимала, что все ее страхи лишь в голове. Но как ни уверяй себя, что все опасности мнимые, тело все равно выдает полный набор симптомов: сердце стучит с перебойми, замедляется ток крови в венах, ледяные конечности отказываются повиноваться, пропадают краски, искажаются звуки. Не каждый смог бы продолжать летать, умирая всякий раз во время

взлета и посадки. А Жанна могла: сцепив зубы, призывая на помощь всесильного Суслика.

Ее дорогостоящий психотерапевт Илона Юрьевна обещала, что со временем если и не пройдет, то станет лучше, в качестве утешения рассказывала про различные фобии, присутствующие людям, как бы намекая, что случай Жанны вполне себе заурядный. Могло быть и хуже. Вот как жить человеку, боящемуся пустых чашек или незавязанных шнурков? Каждой фобии психологи заботливо придумали названия, Илона Юрьевна произносила их со вкусом и даже некой завистью. Надо будет спросить у нее, как называется страх получать письма. Жанна посмотрела на конверт в чуть дрожащих руках. Его принес портье почти сразу, как женская часть экипажа вернулась в отель после хоккейного матча и прогулки по городу. Жанна открыла на деликатный стук и чуть отпрянула, увидев перед собой небольшой белый угольник.

— Просили передать, — сказал портье, растягивая губы в улыбке.

— Кто? — дрогнув голосом, спросила она.

— Администратор. — Портье подал конверт.

— Это точно мне? — Жанна повертела конверт без опознавательных знаков.

В последний раз в таком же незапечатанном конверте ей прислали то ли угрозу, то ли преду-

преждение: детский рисунок с падающим самолетом.

— Сказали отнести в пятьсот двадцатый номер. Простите, мне надо идти.

Дверь захлопнулась. Жанна прислонилась к ней спиной и помахала конвертом перед лицом, унимая некстати занывшее сердце. Внутри явно находилось что-то плотное, как оказалось, все же несущее в себе опасность. Хотя какая опасность может таиться в приглашении на банкет? Один из акционеров и член совета директоров авиакомпании «Скайтранс» Белковский, которого каким-то ветром занесло в Самару, жаждал увидеть экипаж в полном составе в ресторане отеля сегодня вечером. Именно его распоряжением экипаж был размещен в одной из лучших гостиниц города.

Экипаж чартерного рейса второй день пребывал на самарской земле. Накануне они привезли питерский хоккейный клуб «Буревестник» на матч. Матч был какой-то значимый, о чем без усталости твердил их «старшой», КВС¹ первого класса Степан Андреевич Лаврушин, ярый болельщик. На походе на игру он, конечно, сильно не настаивал, но разочаровывать кэпа никому не хотелось. Поэтому «команда мечты» в составе второго пилота Камаева и четырех бортпровод-

¹ КВС — командир воздушного судна.

ников Натальи, Майи, Антона и самой Жанны, кто с явным удовольствием, а кто и не очень, отправилась в ледовый дворец «Кристалл». Стараниями все того же Белковского им предоставили ВИП-ложу, где женская часть экипажа с комфортом поглощала изысканные деликатесы, предоставив мужчинам махать шарфиками, дудеть в дудки и творить прочие глупости.

* * *

— А ведь это тебя приглашают в первую очередь, подруга. Ты ведь практически спасла компанию от крупных неприятностей: нашла убийцу, да еще так быстро... — Наталья постучала отполированным ногтем по белому картону с золотым тиснением букв.

Жанна пожала плечами, не умаляя, но и не превознося своих заслуг. Да, рейс оказался сложным, а для двоих пассажиров еще и смертельным. Убийство, пусть даже совершенное по веским причинам, все равно остается мерзким деянием. Где-то в глубине души Жанну все еще терзали боль и непонимание случившегося. Двое лишились жизни, еще двое проведут много лет в тюрьме, жизнь других двоих разрушена и будет полна боли от невозполнимой утраты. За что? Месть — прибежище слабых, не умеющих прощать. Тут она невольно усмехнулась:

в свое время прощение и ей далось с трудом. Она не сразу, но простила идиота, из-за которого погибла Таня — лучшая подруга, такая, какой больше не будет никогда. Погибла, спасая жизнь пассажира, но легче от этого не становилось. Его она простила, себя — нет.

— Может, премию дадут... — предположила Майя.

— Догонят и еще раз дадут. Не знаю, все шепчутся, что вопрос о продаже компании почти решен. Даже не знаю, радоваться или другую работу искать... Говорят, там условия жесткие и требования на порядок выше, — вздохнула Наталья.

— Ой, ну и в чем проблема? — Майя посмотрела на них как на неразумных детей. — Нас же крупный авиахолдинг хочет купить. Может, платить больше станут. И вообще... будущее за монополиями, вот!

Наталья и Жанна переглянулись, открыли было рты и так же дружно закрыли. Спорить с ней — это как доказывать ребенку, что Деда Мороза не существует. Наивность Майи Веденеевой давно стала темой для дружеских подколов, на что, впрочем, та нисколько не обижалась в силу все той же незамутненной непосредственности.

Уверенность Майи в том, что где-то, совсем рядом, ее ждет прекрасный принц, доставляла всему экипажу немало поводов позубоскалить.

Надо сказать, что к цели своей Майя шла так же упорно, как Наталья к обретению собственной квартиры. Так что идти, как они собирались, на водную экскурсию Майя отказалась, потому что ей надо освежить маникюр, а она не уверена, что в Самаре есть приличные салоны, еще надо успеть принять ванну...

— И выпить чашечку кофе... — с издевкой добавила Наталья.

Майя нахмурилась. Жанна засмеялась.

— Ай, все равно не поймет, — шепнула ей Наталья.

— Банкет в семь вечера, вполне успеем, не вижу повода отказываться.

— Я с тобой. Не пропадать же билетам. Майка, тебе денег не жалко? — Экономная Наталья еще пыталась воззвать к разуму коллеги.

— Антона возьмите. Сейчас я ему позвоню.

Наталья сделала круглые глаза. Антон Фролов, четвертый член команды бортпроводников, неплохой парень, но слишком недвусмысленно оказывал Наталье знаки внимания и бывал порой слишком навязчив. И дело не в верности мужу, хотя и в ней тоже, просто Антон был младше, да и от служебных романов одни неприятности.

Конечно же, Антон согласился.

— Лучше бы Камаева позвали, — шепнула Наталья, когда они спустились в холл. — Два часа шуток этого клоуна я не вынесу.

«А два часа с Камаевым не вынесу я», — подумала Жанна и, как назло, увидела его. Он стоял у выхода.

Второй пилот в белой футболке, открывающей мускулистые плечи, и джинсах, ладно сидящих на длинных ногах, выглядел неприлично секси, как сказала бы Майя. Жанна быстро подхватила Антона под руку и звонко рассмеялась в ответ на какую-то его глупую шутку. Камаев поднял глаза, увидел их веселую компанию, кивнул, обозначая приветствие, и резко отвернулся.

Отношения у них с Камаевым не задались с самого начала. Каждый раз, как им выпадало лететь в одном рейсе, они находили повод наговорить друг другу колкостей. Лично она, конечно, знала причину. Она на него «запала», по выражению Натальи. Причем «запала» совершенно необъяснимо, иррационально. Ей ведь никогда не нравились мужчины такого типа: самоуверенные эгоисты, замкнутые на себе и своих проблемах. Еще два дня назад она надеялась, что необъяснимая тяга к не слишком любезному пилоту растает как торсионный след в небе, но последний рейс, такой сложный и опасный, многое изменил.

Антон продолжал балагурить, Наталья безуспешно пыталась завести разговор о чем-то серьезном типа культурного наследия. Жан-

на машинально кивала в такт голосам коллег, а сама мысленно снова и снова проживала разговор с Камаевым сразу после матча и предшествующий этому разговору поцелуй, который до сих пор горел на ее губах. Как и место чуть выше поясницы, куда легла его горячая ладонь, когда он властно привлек ее к себе уверенным движением. Таким, каким никто и никогда до него не смел коснуться ее, не рискуя получить по рукам или по какому другому месту. А вот этот ордынец, домостроевец и самоуверенный наглец смог. И получил потом. Не по рукам (а жаль), а словом, удар которым порой больнее, чем битой. И она снова вспомнила его взгляд и движение, с которым он как бы слегка оттолкнул ее. Какая же она все-таки дура!

Но он? С какого перепуга ему вздумалось ее поцеловать? Он же всегда относился к ней, как и ко всем женщинам, с легкой долей снисходительности. Или это чисто подсознательное? Раз уж спас ее от верной смерти, так теперь можно не церемониться? Жанна невольно потрогала шею, где еще виднелись следы удушения. На самом деле она свинья неблагодарная. Камаев и правда ее спас, героически, можно сказать. А она ему нахамила. Как всегда, впрочем. Нет, они не враждовали, но уколоть друг друга не упускали возможности. И вот, кажется, все переменялось. Даже непонятно, радоваться это-

му или опасаться. Поддаться соблазну с риском разбить сердце или быть стойкой как камень и... тоже подвергнуть сердце неизбежным страданиям?

Утром на матче Камаев, наверное, впервые увидел ее не в форменном костюме и без прилизанного пучка на затылке. Жанна невольно провела рукой по волне волос, спадающих по лопаткам. Как же хорошо, как же свободно голове! И ветер с реки так славно обдувает разгоряченное зноем лицо. Майя перед поездкой настаивала, что обязательно нужно воспользоваться кремом с защитой от ультрафиолета. Предлагала свой. Хорошая девочка. Все же это счастье — летать, бывать в разных местах, видеть всю эту красоту! Если завтра ее снимут с полетов, она просто умрет. И не нужен ей никакой зазнайка второй пилот, лишь бы иметь возможность подниматься по трапу самолета, пусть даже каждый раз она умирает во время взлета и посадки. Хоть Илона Юрьевна и уверяла, что аэрофобия успешно лечится, но, пройдя за три года кучу сеансов, Жанна в этом сильно сомневалась.

И снова кольнула мысль о странных рисунках падающего самолета. Кто-то глупо шутит или намекает, что знает ее тщательно оберегаемую тайну?

Глава 2

Майя была права: лицо за два часа на солнце обветрилось и немного подгорело. Упрямство иногда выходит боком. Придется идти на банкет с лицом цвета лососины. А и ладно! Майя тут же настояла на какой-то крутой экспресс-маске. Отказываться Жанна не стала. Наложила пропитанную чем-то склизким тряпочку на лицо и чуть не уснула под мирное гудение кондиционера.

Средство не подвело, и лицо обрело прежний бледный вид. Знает Майя толк в красоте. Только что-то все усилия не приводят к результату: не даются ей в руки богатые и знаменитые. Это только в фильмах каждой Золушке положено по принцу. В жизни простушкам не то что принц, а даже и простой пилот в руки не дается. Или у нее плохо с тактикой? Вот у Майи как все четко: масочки, кремики, туфельки, платице. Словно заранее знала, что пригодится. Всегда на посту, всегда готова. Жанна мысленно перебрала содержимое чемодана. К званым обедам

она не готовилась, Кардена с Диором не захватила. Что ж, выручайте миланские брюки и белая блузка — маст-хэв каждой модницы.

— Не прием у королевы, — сказала Жанна, увидев оценивающий взгляд Майи. — Обычный ужин. Белковский хочет проставиться за победу нашей команды в матче. Ну и хорошо. Поедим деликатесов.

Наталья закатила глаза и вздохнула. Как тут держать вес, когда кругом соблазны?

— Кстати, Олег Валерьевич на тебя глаз положил. Чуешь, чем пахнет?

— Ага. Чую. Неприятностями.

— Ой, ну вот не строй из себя... Ты же умная. Ну, пококотничаешь, польстишь чуток... Зато Белковский тебе может дать зеленый свет на международку. Мало ли что там тебе запретили, он же начальник. Скажет, и допустят, никуда не денутся.

Жанна не ответила. На самом деле она давно смирилась, что дальние страны заказаны ей навсегда. После того как она чуть не превратила пассажира в отбивную, ее могли вообще выгнать из аэрофлота с волчьим билетом.

— Кстати, Олег Валерьевич... так-то нормальный. Ну, староват только, а еще пузико. Зато высокий и не лысый. Наверное, красавчик в молодости был, — встряла в разговор Майя.

— Староват? — хмыкнула Наталья. — Ему полтос или чуть больше. Для таких, как ты, самый смак.

— Для каких — таких? — Майя обиженно надула губы. — Вечно ты про меня гадости говоришь. Хорошо тебе, у тебя муж есть. А мне уже двадцать три, меня скоро вообще никто за муж не возьмет.

— Ипотека у меня, — с горькой улыбкой поправила Наталья. — И мы с мужем на эту квартиру впахиваем как рабы на галерах. Так что ищи богатого. А то вся жизнь так и пройдет от зарплаты до зарплаты.

Майя еле слышно вздохнула. Она что, дуручка? Сама не понимает? Но это только в кино олигархи в простых девушек влюбляются. В жизни как-то все сложнее. И все же она верила в случай. Кому-то же везет, почему не ей?

— А может, там будет кто интересный на банкете, как думаете?

— Не исключено. Давай, Майка, охмури какого-нибудь самарского купца. Они тут еще непуганые. — Наталья засмеялась и подтолкнула Жанну локтем.

На лице Майи застыло задумчивое выражение, видимо, она представляла себе перспективы стать самарской купчихой. Жанна оправила блузку, провела щеткой по волосам. Универ-

сальный наряд. И в пир, и в мир, как говорится. Она поиграла лицом, придавая ему приветливое выражение. Ладно, можно же представить, что находишься в салоне самолета. «Уважаемые пассажиры, наш экипаж приветствует вас на борту нашего авиалайнера». Обязательная улыбка и готовность помочь в любой ситуации. Даже сейчас эта фраза рефреном отзывается в ней на английском языке. Прошло три года, но она помнит все так, как вчера: Париж, Сингапур, Лондон... Ладно, испытания делают нас сильнее. Выдюжим. Она улыбнулась себе в отражении. Камаев тоже ведь «невъездной». Конфликт с начальством... и вот ты в черном списке. Когда она узнала, что надменный красавец в какой-то мере такой же изгой, как и она, ей стало проще общаться с ним.словно общая беда сделала его чуть понятнее.

* * *

Что и говорить, пять звезд — это все же пять звезд. Обычно экипажу доставались третьесортные гостиницы, где если нет тараканов, то уже шикарно. А тут просто шик, блеск, красота кругом. Спасибо, конечно, Белковскому, что распорядился поселить их тут. Три дня в Самаре, в начале лета, в самом центре города, в отличных номерах, с кондиционером и джакузи, что

может быть лучше? Считай, что как на курорте побывали.

Ей было уютно в этом городе, который словно нашептывал что-то нежное и даже тайное, известное лишь им двоим. Были в нем спокойствие, достоинство, неторопливость, такие редкие в нынешние суетливые времена. Даже подумалось, ничто ведь не мешает покинуть сырой и вечно хмурый Петербург и перебраться куда-то в более радостные места. Правда, для этого придется расстаться с небом, а к этому она пока не готова. Да и дома она все равно бывает редко. Все время в пути, в рейсах, в отелях и аэропортах. Да и что ей делать на земле, в четырех стенах? Нет, земля подождет.

Ресторан располагался на последнем этаже, где по всему периметру зала шли панорамные окна с видом на город и раздольную реку, искрившую под заходящим солнцем. Охранник Белковского застыл у входа неподвижным изваянием. Он, как и положено бодигарду, был росл, могуч и на удивление красив. Правда, было в его красоте что-то неуловимо странное. Под густыми темно-шоколадными бровями таились слишком светлые глаза. А прямой и почти греческий нос казался насмешкой над пухлыми «девичьими» губами.словно кто-то складывал пазл из разных наборов. Большую круглую голову украшал выбритый стилистом графич-

ческий узор. Майя уставилась на него и глупо хихикнула, одернув платье с низким декольте. Охранник опустил глаза, окинул всю троицу взглядом, при этом ни один мускул не дрогнул на его лице, даже глаз не моргнул. Жанна протянула ему приглашение. Он взял картонку, еще раз оглядел их излишне придирчиво и посторо­нился, чтобы пропустить.

Майя еле слышно вздохнула: к такому телу еще бы банковский счет с шестью нулями. А тут что, охранник — не разгуляешься.

Мужская часть экипажа уже восседала за одним длинным столом. Женщин встретили приветственным гулом и возгласами одобрения. Белковский выскочил им навстречу и чуть ли не облобызал каждую. Жанне даже показалось, что он уже хорошо принял на грудь. Ее же он взял за руку, торжественно провел по кругу перед столом.

— От лица компании хочу выразить признательность за мужество и находчивость. Прекрасная наша воздушная сыщица! Прошу любить и жаловать.

Все захлопали. За столом сидели еще пятеро неизвестных мужчин в возрасте от тридцати до пятидесяти. Белковский представил их, но Жанна все пропустила мимо ушей, какие-то шишки из администрации и парочка бизнесменов. Будет Майе где разгуляться. Она поглядывала

на Камаева, который вел оживленную беседу на тему спорта с высоким блондином в итальянском галстуке ручной работы. Что ж, самарские купцы научились правильно вязать виндзорские узлы или, что вероятнее, нанимать грамотных специалистов.

Белковский склонил голову и коснулся ее руки влажными губами, Жанну дернуло неприязнью, что никак не отразилось на лице. Профессионализм всегда выручает. И тут поймала взгляд Камаева. Станный взгляд. Неодобрительный.

— Вы слишком превозносите мои скромные способности, Олег Валерьевич.

— Ни в малейшей степени. Но мы еще вернемся к этому разговору.

Он подвел ее к столу и усадил рядом с собой. Наталья на другом конце стола посмотрела на нее и чуть усмехнулась, вернее, лишь обозначила усмешку, но Жанна поняла. «Давай, подруга, куй железо, пока горячо», — говорил этот взгляд. Только вот с кузнечными работами у Жанны всегда было не очень. Ладно, и тут прорвемся. На какое-то время она отвлеклась на стол, уставленный закусками. Тут было из чего выбрать. Хлопнула пробка шампанского. Судя по этикетке, на алкоголе экономить не стали. Что ж, есть надежда, что никто не отравится. Во всем надо искать позитив. Беседа тек-

ла, прерываясь лишь тостами и смехом после удачно (или не очень) рассказанного Белковским анекдота. Что ж, это его вечеринка — почет и уважение хозяину.

Белковский вытащил из кармана позолоченный портсигар.

— Курите? Рекомендую. Настоящий кубинский табак.

Ей пришлось сделать усилие, чтобы не потянуться за коричневой сигариллой. Заманчиво, конечно, было бы попробовать. Но Камаев на другом конце стола иногда сверкал в ее сторону карим глазом, и она почему-то застеснялась. Никто из экипажа никогда не видел ее курящей. Кроме Натальи. Та застукала ее как-то, но ничего не сказала, лишь подмигнула. Запах у сигарилл оказался землистым, с нотками кедра. Приятный. Олег Валерьевич с удовольствием выдыхал клубы белого дыма. Запрет на курение в общественных местах его не касался. Да и то верно — правила ж только для простых смертных.

— Жанночка, позвольте пригласить вас на танец. — Белковский придвинулся ближе.

— Так ведь музыки нет, — чуть отстранилась она.

— Будет, сейчас все будет. Для вас, королева моего сердца, все что угодно.

Белковский стремительно исчез. Жанна вздохнула. И ведь не смоешься по-тихому. Шампанское в бокале фонтанировало пузырьками. От игристого ее завтра утром непременно ожидает мигрень. Да и ладно — не на работу.

Майя всю флиртовала с итальянским галстуком. И правильно, он был, пожалуй, самый симпатичный из всех. Не считая Камаева, естественно. Тот сидел с каменным выражением лица ордынского хана, которому нукеры донесли, что полонянок отбили налетевшие русичи.

Заиграла музыка. Все оживились. Итальянский галстук уже увлекал Майю на танцевальный пяточок перед небольшой эстрадой, где наигрывал джазовую композицию оркестр из пяти человек. Антон нависал над стулом Натальи и, судя по выражению ее лица, безуспешно пытался склонить ее нарушить седьмую заповедь.

Белковский вынырнул посвежевший, видно, посетил туалетную комнату, галантно отодвинул ей стул. Жанна поднялась и вложила руку в его ладонь. Что ж, если подумать, она не танцевала уже несколько лет, с тех пор как не стало Тани. Надо же когда-то начинать. Почему не сейчас? Рука Белковского скользнула по спине. Кажется, он всерьез решил штурмовать ее бастионы. Она чуть сдвинулась, якобы пропуская его вперед.

— Идите первым, Олег Валерьевич. Будете меня ловить, если я оступлюсь.

— Я бы мечтал об этом. — Он поднял на нее глаза и как-то вздохнул.

Ей даже стало жаль незадачливого ловеласа. Жена Белковского, по слухам, слыла женщиной суровой, конкуренции не терпящей. Тяжело при таком раскладе мужику выкручиваться. А ведь хочется и перьями потрясти, и щеки понадувать, ну или как там у мужчин брачные игры проходят?

Танцевал Белковский на удивление хорошо, несмотря на комплекцию и явную одышку. Лицо его раскраснелось, лоб покрылся бисеринками пота. Грузный Олег Валерьевич ловко вертел Жанну по паркету, и она вдруг расслабилась и почувствовала себя счастливой. А может, это шампанское ударило в голову. Она смеялась, вскрикивала, если нечаянно наступала партнеру на ногу, извинялась, заливалась краской, снова смеялась его нехитрым комплиментом.

Музыка смолкла. Белковский вдруг побагровел и тяжело вцепился в ее руку.

— Вам плохо?

Он помотал головой.

— Мне надо выйти, — проговорил он с трудом. — Не привлекайте внимания. Идем.

Дышал Белковский тяжело. Возле двери в туалет он отцепился от ее руки, сделал два

шага и покачнулся. Ей пришлось подхватить его, и в туалетную комнату они зашли вместе. Жанна открыла кран, брызнула Белковскому в лицо водой. Тот дышал тяжело, но уже ровнее.

— Что ж вы так здоровье не бережете. У вас таблетки какие есть с собой?

— В кармане, — прохрипел он, задыхаясь, как карась на льду.

Жанна сунула руку в один карман пиджака, в другой, похлопала по груди. В потайном кармане что-то лежало. Она распахнула пиджак, сунула руку во внутреннюю полость... Белковский покачнулся и вцепился ей в плечи. Что-то резко рвануло ее в сторону, раздался треск рвущейся материи. Белковский круглыми глазами смотрел на выданный с мясом внутренний карман пиджака. Жанна держала в руках блистер с таблетками, а между ней и Белковским стоял Камаев со злым лицом.

— Ильяс, вы совсем того? — пискнула она. — Да это совсем не то, что вы подумали...

— О да! Конечно! Извините, если прервал ваш разговор.

— Вы хам! — прохрипел Белковский. — Я этого так не оставлю!

Жанна сделала шаг к Камаеву, но тут же отступила, увидев его гневно раздувшиеся ноздри.

Камаев кинул на обоих презрительный взгляд и вышел. Жанна перевела дух, потом вспомни-

ла про Белковского, который из багрового стал пунцовым.

— Так, я вызываю «Скорую».

Он схватил ее за руку, разжал ладонь, схватил таблетки, выковырял одну и сунул в рот.

— Никаких врачей! Молчите о том, что произошло. Ясно?

— Но как же...

— Вы же хотите по-прежнему работать в нашей компании?

Жанна кивнула. Белковский глубоко вздохнул, потом еще раз и еще.

— Ф-ф-ф! Отпустило. Кажется. — Он утер мокрый лоб. — Полотенце дай.

Взял поданное махровое полотенчишко из специальной корзинки, тщательно вытерся, промокнул мокрые пятна на груди, брезгливо оглядел вырванную подкладку пиджака.

— Извините, Олег Валерьевич. Камаев не так все понял. Согласитесь, ситуация выглядела двусмысленно...

— Да плевать я хотел, что он там вообразил! Этот пиджак стоит его годовой зарплаты. А нервы? Кто вернет мне мои нервы? Объясните вашему любовнику, что...

— Простите, Олег Валерьевич, но Камаев...

— Да я его по стенке размажу. Он у меня летает теперь. На «кукурузнике». Макароны геологам сбрасывать!

Белковский бушевал, Жанна стояла, тиская подол рубашки. Вот тебе и подольстилась к начальству. Она вдруг поняла, что улыбается. Камаев за нее вступился. Надо же! Решил, что ее честь в опасности? Забавно. Хотя, конечно, ситуация тревожная. Она вытащила еще одно полотенце, развернула аккуратный рулончик, намочила, провела по пиджаку, разглаживая помятости.

— Извините, Олег Валерьевич. Мне так неловко. Но вы меня напугали. У меня сердце бьется как бешеное. — Она потупилась и вздохнула так сильно, чтобы привлечь внимание Белковского к расстегнутому вырезу рубашки.

— А мое-то как бьется, — пробормотал он и вполне предсказуемо опустил взгляд.

— Зато вы теперь должны на мне жениться. Как честный человек, — хихикнула она и подмигнула.

— Ой, коза... — усмехнулся Белковский и вздохнул. — Люблю таких. Жаль, что женат. А то бы да. Ладно, не бойся, не трону я твоего Отелло. Пусть летает. Пока. Но с таким темпераментом недолго ему осталось.

— И не говорите, — пробормотала Жанна. — Пойдемте к гостям, Олег Валерьевич? Как вы себя чувствуете?

— Вполне. Проболтаешься, пожалеешь.

— Наоборот, буду всем говорить, какой вы ух!

— С ума сошла! — Белковский вдруг припер ее к стенке и дыхнул плохо переваренным жульеном. — Узнаю, уничтожу!

Жанна закатила глаза. Так и не поняла, что не рассказывать: про Камаева, про приступ или про что-то еще? Разбери этих начальников.

— Поняла, — послушно кивнула она. — Молчу как рыба. Не беспокойтесь.

— Беспокоиться надо не мне, — усмехнулся Олег Валерьевич и неожиданно потрепал ее по щеке. По-отечески так потрепал.

В зал Жанна вошла с изумленным выражением на лице, о чем ей ясно сказали вытаращенные глаза Натальи.

— Э, подруга, ты моему совету решила последовать? Молодец. Только осторожней. Там супруга такая, что с бешеным слоном встретиться безопаснее.

Жанна криво усмехнулась и сделала глоток шампанского. Да уж, вот тебе и приятный вечер в кругу коллег. Правду говорят, минуй нас барский гнев и барская любовь.

Глава 3

Перегаром несло так, что Слава поморщился, хотя за год работы привык ко многому. Хорошо накануне шеф погулял. Один плюс — гулял в отеле, не понадобилось забирать и потом по городу возить. «А давай к реке, Слав! А давай на звезды посмотрим! А где тут звезды?» Всякое бывало. Так что не самый худший вариант. Теперь нужно шефа аккуратно привести в чувство.

Первым делом он открыл настежь балконную дверь, чтобы выветрить сивушные пары. Вот почему богатые и бедные пьют напитки разной стоимости, а выхлоп поутру у всех одинаковый? Алкоголь Слава на дух не переносил, потому искренне не видел разницы, но носом чувствовал — ее и нет. Часы показывали пять минут девятого. Шеф строго приказал в восемь будить, даже если он будет грозить уволить ко всем чертям. Слава работу знал четко. Шеф, конечно, всю программу выполнил: грозил убить, уволить, отправить на Колыму и даже дальше.

В итоге встал. Не без помощи охранника доплелся до ванной комнаты. Вскоре там зашумела вода, послышался громкий крик. Следом раздалась цветастая фраза, которую на обычный язык можно было перевести как «какой ужас, зачем я так надрался». Обычная процедура: шеф принимал контрастный душ.

За это время Слава заправил кофемашину, достал из буфета фарфоровую кофейную пару. Поставил на стол запотевшую бутылку французской минеральной воды и хрустальный стакан.

Вскоре Белковский вышел в распахнутом настежь халате, вытирая мокрую голову полотенцем. Уселся, широко раздвинул ноги — а кого, простите, стесняться? Взял протянутую охранником чашку.

— Уф! — Сделал глоток и закатил глаза. Спросил: — Время?

— Укладываемся, Олег Валерьевич. Еще двадцать минут в запасе.

Белковский немного посидел не двигаясь. Совещание было назначено на девять. Он прокрутил в голове все, что надо было донести до самарских коллег, так сказать. Донести, убедить и прогнуть. Задача нелегкая, но выполнимая. И не таких ломали.

— Дай папку. Синяя. В портфеле. — Он протянул руку. Когда в нее ничего не попало, он от-

крыл глаза и нехотя повернул голову. — Что во-
зишься?

Слава с растерянным лицом потряс портфелем в воздухе.

— Так нет тут.

— Не городи ерунды. Смотри лучше. Словно не я, а ты вчера бухал...

Слава широко раскрыл портфель и показал шефу. Папки не было. Белковский пошарил, но и так было ясно, что синяя папка пропала.

— Может, вы в другое место положили? В сейф? Или в машине...

Тяжелое молчание послужило ответом.

— Ищи, — глухо сказал Белковский. — Посмотри везде. Может, спьяну и запихнул. Ищи.

Через двадцать минут стало понятно, что папки в номере нет, как нет и в сейфе, и в машине, куда Слава тоже сбегал для очистки совести.

— Что делать? Полицию?

— Конечно, — едко хмыкнул Олег Валерьевич. — Позвони в офис, скажи, что совещание откладывается, и набери мне Малинина.

Слава понятливо кивнул и вытащил телефон. Кажется, у шефа неприятности. Сам же наверняка по пьяни потерял, а на уши всех поставит. Еще и Малинина из головного офиса дернет, начальник службы безопасности компании устроит им всем сладкую жизнь.

* * *

Была бы ее воля, на завтрак она бы точно не пошла. Если есть возможность поспать подольше, почему бы не воспользоваться. Но Наталья была неумолима.

— Вставай! Во-первых, мы же собирались в Музей модерна, во-вторых, тут такие завтраки, что грех не воспользоваться.

Пришлось вставать, тащиться в ванную, приводить себя в божеский вид и топать в ресторан. С другой стороны, кофе там наверняка приличный. Есть не хотелось: сказалось вчерашнее застолье. Она вспомнила историю с Белковским и поморщилась. Вот если не судьба, то не судьба. И так-то у нее с Камаевым непонятно что, а тут еще он чуть морду начальству не набил, а ее принял за падшую женщину. Ну а что еще мог подумать ордынец, застав ее в мужском туалете с начальником? И оправдываться бесполезно, да и стоит ли? Просто кто-то там наверху явно намекает: не лезь. Ну и ладно. И все же обидно. Глупо. И чувство, словно она и правда с Белковским в туалете чем-то неприличным занималась.

— Ты чего смурная? Вроде мало пила вчера. Ты ж непьющая у нас.

Жанна скривилась и постучала по виску, голова, мол, болит. Наташка кивнула.

— А я думала, что из-за нашего Ильяса Закировича грустишь. Тоже мне... коллега и член команды, называется, а с банкета сбежал. Заметила? Сидел, сидел, потом раз, и нет его. Ушел по-английски, не прощаясь. Никакого чувства единения с нами. Словно мы ему чужие. А вдруг нас бы там обидел кто?

Против воли Жанна засмеялась. Знала бы Наталья, какой Камаев защитник. Просто огонь!

А вот и сам. Идет набычившись, глаз не поднимает. Аж искрит от него. Не выветрилось за ночь, что ли? Следом за Камаевым в зал вошли Лаврушин и Антон. Сели за отдельный стол. Поздоровались. Подлетел официант, принял заказ.

К их столу уже несли кофе, блинчики и все, что они щедро заказали на завтрак, помня, что все оплачено. Но позавтракать спокойно не удалось. В зал вошел то ли водитель, то ли охранник, она так и не поняла статус этого крепкого и высокого парня, состоящего при Белковском.

— Олег Валерьевич просит всех подняться к нему в номер. Сейчас.

Все уставились на недоеденные блюда. Но тон, которым была передана просьба или уже и не просьба, не оставлял сомнений, что попросить время на доесть — не вариант.

* * *

Белковский ходил по гостиной из угла в угол, заложив руки за спину.

— Садитесь, — буркнул он, увидев их на пороге.

Они послушно расселись и уставились на него, кто с любопытством, кто с недоумением, а кто с явной враждебностью. В номере было прохладно, жужжал кондиционер, слышался тонкий и еле уловимый ухом хрустальный перезвон. Повертев головой в поисках звуков, Жанна поняла, что звук идет сверху. Под потолком горела огнями сложносоставная люстра, вся из каких-то трубочек, колбочек, шариков. Пели, вероятно, те самые колбочки. Интересная конструкция. Мелькнула шальная мысль попросить хозяина номера провести им экскурсию по апартаментам. Когда еще доведется побывать в таких царских хороммах? Жанна погладила рукой шелковую обивку дивана и даже чуть-чуть подпрыгнула пятой точкой по этому чуду дизайнерской мысли, тут же поймала раздраженный взгляд Белковского.

— Так... — сказал он. — У меня из номера пропали документы. И я думаю, это сделал кто-то из вас.

Раздался хор возмущенных и частично растерянных голосов.

— Объясняю популярно. Документы касались нашей авиакомпании. Никому они неинтересны. Кроме меня и других сотрудников. Мысль понятна?

— Но позвольте, — Лаврушин встал, — зачем нам ваши документы? Что нам с ними делать? Мы не бизнесмены, мы ничего в этих делах не понимаем. Олег Валерьевич, вы что-то не то говорите.

— Сядьте! — рявкнул Белковский. — Повторю, документы касаются «Скайтранса». Кое-кто за обладание ими душу продаст. Почему бы ему не попробовать купить вашу?

— Вы намекаете, что кто-то из нас?.. Ну это ни в какие ворота!

— Не намекаю. Прямо говорю. Горничная видела, как сегодня утром в номер заходила женщина в форме. В форме стюардессы, понятно?

Майя ойкнула. Наталья схватила Жанну за руку. Лицо ее побледнело, а губы еле слышно пробормотали:

— Прощай моя квартирка.

— Ерунду вы несете, уважаемый, — мрачно сказал Камаев. — Никто из нас не мог этого сделать. Если у вас что-то пропало, почему не вызвали полицию? Темните что-то.

— Повторю, кто-то из вас проник в мой номер. Один или с кем-то в паре. Или даже все

вместе. И я предлагаю сейчас тому, кто в этом замешан, вернуть документы. Слышишь, летчик? Если решим дело мирно, я тебя по доброте душевной просто уволю. Если же нет, то волчий билет тебе обеспечен. Тебя даже к «кукурузнику» близко не подпустят. Летать на батуте будешь!

— Я с вами на брудершафт не пил. Извольте не тыкать. И угрожать мне не нужно!

— Спокойно, Ильяс, спокойно. — Лаврушин схватил вскочившего Камаева за руку и рывком усадил обратно. — Уймись ты, — прошептал он ему, — не гробь себе жизнь. И так уж все испортил. Терпи. Все уладится. Мы ни при чем. Пусть разбираются.

— Итак. Я позвал вас только затем, чтобы сообщить...

— К нам едет ревизор, — не удержалась Жанна.

Белковский осекся, уставился на нее мутным от гнева взглядом. Она невинно хлопнула ресницами.

— Когда вылетите на улицу с волчьим билетом, я тоже посмеюсь, Жанночка, обещаю.

— У сильного всегда бессильный виноват, — развела она руками. — Воля ваша. Если вы считаете, что от этого документы найдутся, то... пожалуйста. Нам ваши секретные файлы даром не нужны. Ищите воров в другом месте.

— Если я ошибся, то принесу вам свои извинения. Но пока заявляю, если до обеда документы не найдутся, то можете искать себе другую работу, совсем другую. Советую начать с вакансий дворников. Хотя и там вам будут не рады. Я вам устрою увольнение по такой статье, что даже уборщицей в общежитие гастарбайтеров вас не возьмут. Все. Идите.

* * *

— Ты сдурела, мать? — Наталья покачала головой. — «К нам едет ревизор...» Думаешь, что с ним можно шутки шутить?

— Подожди, найдутся его документы. Сам же куда-нибудь и засунул. Или забыл где-то.

— Он же сказал, горничная видела стюардессу...

— Врет она. Может, боится, что на нее повесят, вот и придумала.

— А если их и правда украли? — подала голос Майя, за все время не проронившая ни слова. — Почему вы уверены, что этого не могло быть? Вот я фильм смотрела, там воровка горничной прикинулась...

— Стоп! — Жанна повернулась к ней. — А ведь точно. Надо просто посмотреть, кто заходил в номер. Здесь есть камера. Элементарно.

— Для этого нужно знать, за какой период смотреть.

— Точно. Вы идите. Я сейчас.

Жанна развернулась и пошла обратно, Наталья и Майя переглянулись, слегка пожали плечами и направились к лифту.

* * *

Белковский уставился на нее, словно привидение увидел. Охранник встал ей навстречу и вопросительно посмотрел на шефа: «Выгнать ее? Выкинуть в окно? Придушить?»

Жанна приняла смиренный вид — она умела. Стиснула кулачки, прочистила горло.

— Олег Валерьевич, извините. Я иногда ляпну не подумав.

— Мне ваши извинения до лампочки. Решение свое озвучил. Или вы пришли вернуть мне документы? Неужели?..

Она выкатила глаза в притворном ужасе и вскинула руки.

— Увы, нет. Но я могу помочь. Вы же сами вчера превозносили мои сыщицкие способности.

У Белковского от удивления брови взлетели домиком, он провел рукой по лицу, словно желая вернуть их на место.

— Это другое... — глухо выдавил он. — Если вы не знаете, кто их взял, лучше не лезьте. Или вы пытаетесь выгородить своего любовника? Поверьте, ему уже ничего не поможет.

— Понимаю вашу предубежденность. — Замечание про любовника пришлось проглотить. — Но с чего бы Камаеву красть ваши бумаги? Из чувства личной неприязни? Это смешно. Вы же с ним раньше не встречались. А если даже предположить, что кого-то из членов экипажа подкупили, то его в последнюю очередь. Проще было бы предположить, что деньгами могли соблазнить кого-то из нас, раз уж горничная, как вы говорите, видела стюардессу.

— Вот мне точно по барабану. — Олег Валерьевич отвернулся и налил себе в стакан немного темной жидкости из пузатой бутылки. — Но желание обелить своих коллег одобряю. Что хотите? Вы ж не просто извиниться пришли? На вас не очень похоже.

Он развернулся и уставился на нее глазами недобитого тореадором быка.

— Думаю, есть возможность узнать, кто побывал в вашем номере. Есть же записи с камер. Когда эта горничная видела женщину, заходящую в номер?

Белковский хохотнул:

— О, вы и правда возомнили себя сыщиком? Забавно. Это было первое, что пришло мне в го-

лову. Скоро сюда приедут люди, которые понимают в этом больше какой-то девчонки. Слава, проводи нашу гостью...

— А вы не боитесь, что к тому времени записи удалят? Или, может, это вам на руку? Тогда можно спокойно обвинять нас, да и кого угодно, хоть рептилоидов с Нибиру.

— Каких еще рептилоидов? Да что я с вами время теряю! Слава!

— Вчера вы просили меня кое о чем не рассказывать, Олег Валерьевич. Помните? Я могла. Но если встанет вопрос об увольнении, то я обязательно вспомню о том, что вы пренебрегли элементарным способом установить истину.

— Да вы шантажируете меня, что ли?

— Ага. Есть такое дело. И заметьте, прошу не денег или каких еще плюшек, а просто дать возможность посмотреть записи с камер. Мне тоже не нравится, когда мне угрожают и шантажируют.

Белковский закатил глаза, постоял, подумал.

— Слава, — произнес он, — сходи к администратору, пусть даст доступ к камерам. Записи изъять, принести мне. Малинин уже в пути, скоро будет. Пусть разбирается.

Глава 4

Большее всего Анатолий Малинин любил такие вот сюрпризы, когда внезапно звонит начальство и чуть ли не в истерике требует помочь, спасти, в общем, сделать обратно все так, как было. Ну а что? Жизнь была бы скучна без таких пертурбаций. Звонок Белковского застал его в Воронеже, где он разруливал последствия смерти хоккеиста¹: обещал, льстил, чуть-чуть угрожал. Он уже хотел лететь домой, а тут вот это. Даже и лучше. Через час он уже сходил в Самаре по трапу небольшого самолета, используемого компанией для таких вот незапланированных поездок.

Этой зимой он, если бы до сих пор оставался на государственной службе, мог бы уже выйти на пенсию по выслуге лет. Но так уж случилось, что пришлось уволиться раньше, он всем говорил, что из-за проблем со здоровьем, а на самом деле из-за конфликта с руководством.

¹ Подробнее об этом в романе «Точка невозврата».

На здоровье Малинин, кстати, не жаловался, в свои сорок пять фору мог дать любому качку из фитнес-центра. От старой жизни осталась привычка к строгому полубоксу и такому же строгому распорядку дня. Про службу вспоминал с легкой ностальгией. Да, всякое бывало, друзей терял, тупость начальства бесила. И все же была в этом честность. Вот враги, вот наши. Туда стреляем, своих спасаем. Гражданская жизнь намного сложнее. Грань между своими и чужими размыта, чтобы сориентироваться, дерьма пришлось нахлебаться по самое не балуй.

Зато сейчас должность начальника службы безопасности «Скайтранса» вполне компенсировала все волнения предыдущих лет. Иногда было скучно. Рутинная работа. Потому всяким таким происшествиям бывший подполковник спецназа Малинин даже радовался. В душе, естественно.

Для себя и своей команды Малинин истребовал номер на том же этаже, где жил Белковский. К самому Олегу Валерьевичу начальник службы безопасности относился нейтрально. Не самый умный из совета директоров, но и не самый вредный. Обычный. Беспокойства почти не доставлял. В отличие от своей супруги. При мысли о Норе Белковской Малинин крутанул шей, освобождая стиснутое галстуком гор-

ло. Нора-Нора — стихия и горе, как он иногда шутил, про себя, естественно. Она так же, как и Олег Валерьевич, входила в совет директоров, владела немалым пакетом акций, имела кое-какие связи в провластных кругах. Так что дело Белковского, простое на первый взгляд, могло вылиться в большие неприятности.

Выслушав Олега Валерьевича и охранника, Малинин принялся за просмотр видео с камеры видеонаблюдения. Смотрел и ругался вполголоса. Вот почему на всякую ерунду тратятся безумные деньги, а на том, что реально нужно, экономят? Дешевенькие китайские камеры давали невнятную картинку, да и повешены были под неудачным углом. Наверняка монтировали какие-то доморощенные специалисты. Он прокрутил запись несколько раз. Сделал скриншоты, позвал одного из своих парней, отдал распоряжения.

Люди, с которыми он хотел поговорить, уже некоторое время дожидались его в номере, который Малинин занял под свой штаб. Список фамилий с перечислением должностей он просмотрел, горничную опросил. Бедняжка, наверное, уже и не рада была, что встретила рано утром на этаже ту женщину, похожую на стюардессу. К сожалению, опознать ее по фото она не смогла. Когда же ей предъявили несколько женщин живьем, так сказать, и вовсе растерялась.

Малинин мог ее понять: раннее утро, организм еще спит, до посторонних ли женщин тут?

Начал он с мужской части экипажа. С Лаврушиным говорил сухо, но сильно не наезжал. Во-первых, не верил в его причастность, во-вторых, они были шапочно знакомы. Камаев произвел сложное впечатление. Послужной список второго пилота был у него перед глазами. Историю с адюльтером Малинин знал. Как мужик мужика, конечно, мог понять. Как начальник службы безопасности должен был учитывать сей факт. Возможно ли, что Камаев решился на кражу документов по каким-то пока не известным Малинину мотивам? Вполне. Обида на начальство. Денежные трудности. Шантаж. Мог он привлечь к этому делу стюардессу? Легко. К тому же Белковский заявил, что у Камаева связь с этой, как ее (Малинин заглянул в досье), Жанной Румянцевой. Вот с ней-то Анатолию и хотелось прежде всего побеседовать, но он специально отложил это на самый конец.

Стюардесс он велел запускать по одной. С блондинкой разобрался быстро. Достаточно было посмотреть, как она двигается, чтобы отмести ее кандидатуру. Нет. Чтобы проникнуть в чужой номер, надо обладать изрядной смелостью. Эта Майя Веденева — симпатичная мордашка, но и только. Хотя это не значит, что не может быть замешана. В его практике самые

ужасные преступления совершали внешне абсолютно безобидные особи. Могла ведь кому-то форму одолжить? Могла. Порычав для остротки, доведя блондинку до полубоморока, он отпустил ее с наказом не покидать отель.

Антон Фролова и Наталью Божко он провел по одной схеме. Вполне предсказуемо они сначала возмущались, потом пугались, потом чувствовали облегчение, что их вроде как отпускают, да еще и живыми. В вину Божко Малинин сразу не верил, а вот Фролов мог быть замешан. Отец его работал в одном из подразделений компании, отпрыска пристроил, чтобы тот без дела не болтался. Конечно, мажорчик пытался вякать про отца, связи и прочее, но Малинин быстро спустил его с небес на землю, напомнив, что Фролову-старшему уже надоело выпутывать отпрыска из всяких переделок, особенно после того, как тому запретили въезд в страны Шенгенского договора. Парень тут же сник и забормотал, что это случайная нелепость, а европейские чиновники бюрократы и крючкотворы. Подумав немного, Малинин и его кандидатуру тоже отмел. Слишком изнежен и трусоват. Знал бы что интересное, давно бы выложил. Не верил Малинин «в стойкость юных, не бреющих бороды»¹.

¹ Стивенсон Р.Л. Вересковый мед (в переводе С. Маршака).

* * *

В ожидании своей очереди «допроса», как выразилась возмущенная Наталья, Жанна сидела и разглядывала завитки тисненых обоев на стене. Хорошие обои, на такие медитировать удобно. Когда-то психотерапевт научил ее медитации. Поначалу это сильно помогало отключить мозг, особенно на время взлета и посадки. Потом она нашла универсальное средство, вернее, не нашла, вспомнила.

Когда Таня еще была с ней, они часто вспоминали мультик про суслика. «Понимаешь, все зависит от настроения. Как ты на мир смотришь, так и он смотрит на тебя», — любила повторять ее лучшая подруга. Жанна верила. Тане она верила всегда и во всем. Ровно до момента ее нелепой гибели. Мир, на который Таня смотрела исключительно с любовью, Таню не спас. И этого Жанна простить миру не могла. Долго не могла. Мир отвечал взаимностью: аэрофобией, внезапными приступами необъяснимой паники, бессонницей. И тогда она вспомнила про суслика. Храбрый суслик шел по ночному лесу и ничего не боялся. С тех пор они так и шли рядышком по лесу, ничего не боялись. Пытались, вернее.

Дверь открылась, из нее выскочил раскрасневшийся Антон, посмотрел на Жанну бешенно

ным взглядом и выбежал. Что там с ними делают? Все выходит как после бани. Ну, ничего, сейчас она сама все узнает. Этого неведомого безопасника она не боялась. Самое страшное в ее жизни уже произошло. Остальное ерунда.

Безопасник оказался, как она и предполагала, спортивного вида мужиком, с мощным торсом под дорогим пиджаком и неожиданно умными глазами. От таких добра точно не жди.

— Малинин Анатолий Борисович, — представился он. — Не волнуйтесь, долго не задержу. Как вы знаете, проверяю, кто и где был, чисто формально на предмет... так сказать...

— Алиби?

— Точно! — Он широко улыбнулся. — Так и что там у нас с алиби?

Жанна пожала плечами. Стул, на котором она сидела, был ужасно неудобный. Не исключено, что его специально поставили. Если опереться на спинку, то получишься в полулежащем положении, если же сесть прямо, спина без опоры скоро начнет ныть. И тогда она встала, с удовольствием увидев мелькнувшее в глазах Малинина удивление.

— Спина, — коротко пояснила она и прошла по комнате взад-вперед. Потом оперлась на спинку стула и перенесла вес с одной ноги на другую. — Если честно, я не верю, что это кто-то из наших. Горничная якобы видела

стюардессу, но это бред чистой воды. Если бы я, к примеру, решила что-то взять из номера Олега Валерьевича, то уж точно бы не стала надевать форму. Надеюсь, вы это тоже понимаете. Мы вчера были вместе весь вечер практически. А ночью спали. Из нашего номера никто никуда не выходил.

— А утром?

— Что? — хлопнула она глазами. — Вы думаете, их утром сперли?

— Не думаю. Узнаете?

Он повернул к ней экран ноутбука. Жанна обошла стул, подвинула его к столу и вытянула шею. По коридору отеля шла женщина. Лица со спины было не разглядеть, конечно. Стройная, темные волосы скручены на затылке в пучок. У двери в номер Белковского она быстро провела по замку магниткой и скользнула в номер. Малинин промотал видео до момента выхода женщины из номера. Она вышла, держа в руках канцелярскую папку, лицо ее было опущено, разглядеть его не удавалось. Малинин остановил запись.

— На меня похожа, — спокойно констатировала Жанна и облизнула сухие губы. Она уже поняла, почему ее оставили на закуску. Да, у безопасника есть все мотивы подозревать ее. Но она явно не брала эти документы. Если, ко-